

Благотворительная деятельность герцогов Мекленбург-Стрелицких во время войн¹

Войны XIX – начала XX в. с участием России вызывали поддержку российского общества: будь то освободительная Отечественная война 1812 года или «восточные» кампании, в которых страна преследовала свои геополитические интересы, укрепляла границы, приращивала новые территории, поддерживала дружественные народы (н-р, балканские) в борьбе за независимость. Даже Японская война 1904-1905 гг., несмотря на концессионный характер территорий в Манчжурии, за которые шла борьба, была воспринята в России как справедливая и оборонная, прежде всего, из-за коварства противника, напавшего без предупреждения. Каждый раз война консолидировала российское общество, которое пристально следило за ходом сражений, соперничало армии и флоту, оказывало им посильную помощь. Для разных слоёв населения война становилась школой милосердия; с каждым разом всё более совершенствовалась система общественной ответственности и осознанного участия граждан в различных благотворительных учреждениях и акциях военных лет. В определённой мере русское общество морально и организационно оказалось более готово к Первой мировой войне, чем армия и власть.

В семье последних владельцев Ораниенбаума герцогов Мекленбург-Стрелицких были сильны традиции медицинской благотворительности как в мирное, так и в военное время. Бабушка герцогов великая княгиня Елена Павловна покровительствовала отечественной медицине – содействовала возникновению специализации врачей, созданию системы повышения их квалификации, развитию существовавших лечебных заведений и учреждению новых. Она организовала в Петербурге первую специализированную больницу для детей, где могли лечиться юные пациенты из неимущих семей и обучаться российские педиатры. Повивальный институт, находившейся под опекой великой княгини с 1828 г., был родильным домом и повивальной школой. Впервые Елена Павловна ввела здесь систему повышения квалификации врачей, спустя десятилетия получившую своё развитие в задуманном ею Клиническом институте. Максимилиановская лечебница за 20 лет патронирования великой княгиней превратилась в передовую клинику широкого профиля. При её амбулатории на средства августейшей попечительницы во время Крымской войны было открыто отделение для

¹ *Статья печатается по сборнику: Дворцы и война : к 100-летию начала Первой мировой войны : сб. ст. по материалам науч.-практич. конф. ГМЗ «Петергоф», 2014. СПб., 2015. С. 32-48.*

раненых офицеров. Одним из важнейших деяний великой княгини Елены Павловны в области медицины стало учреждение в 1854 г. Крестовоздвиженской общины попечения о раненых и больных (впоследствии Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия), тем самым она впервые в мире организовала профессиональное служение женщин в качестве медицинских сестёр на полях сражений. Лично знавший великую княгиню Елену Павловну и знакомый с деятельностью её Крестовоздвиженской общины создатель Международного Красного Креста Анри Дюнан полагал, что его гуманитарная организация своим существованием обязана «благородному примеру оказания помощи раненым воинам во время Крымской войны – делу, вдохновительницей которого была Елена Павловна»¹.

Более 300 не связанных семейными узами православных женщин и девиц разных сословий поступили в Крестовоздвиженскую общину по призыву великой княгини и на её счет прошли специальную подготовку в Медико-хирургической академии, в морских Калининском и Кронштадтском госпиталях. Затем сёстры милосердия и врачи во главе с хирургом Н. И. Пироговым были направлены в Крым и в Финляндию для оказания помощи раненым на передовой и в создававшихся полевых лазаретах, максимально приближенных к линии фронта. Такая организация первой помощи была новаторской и повлияла на всё дальнейшее развитие военно-полевой медицины. Бескорыстное служение ближнему стало фундаментом Крестовоздвиженской общины – религиозного, но не монастырского учреждения. Поступившие в Общину сёстры давали обет служения на определённый срок, по окончании которого могли вернуться в мир или вновь продолжить своё пребывание в общине. За труды «крестовые сёстры» не получали вознаграждения, а все расходы по деятельности общины в военное время (медикаменты, транспорт, оборудование) несла её августейшая создательница. Уже по окончании Крымской войны великая княгиня направила в Германию свою фрейлину баронессу Э. Ф. Раден и сестру-настоятельницу Крестовоздвиженской общины Е. М. Бакунину для изучения медицинского опыта монастырских сестёр и протестантских диаконов и дальнейшего его использования. Разработку постоянного Устава сестричества (взамен временного – военного времени) Елена Павловна поручила первому священнику Общины о. Иоанну Янышеву, в то время служившему в русской церкви в Висбадене². Он познакомился с постановкой сестринского дела в Германии и Франции и направил великой княгине свой проект статута³ Крестовоздвиженской общины.

Михайловский дворец – петербургская резиденция великой княгини, оказался не только местом, где вынашивалась, родилась и осуществилась идея создания обители милосердного служения, но и сам стал её частью. В дворцовой церкви происходил обряд посвящения в сёстры Крестовоздвиженской общины перед их отправкой на фронт, театр Михайловского дворца был превращён в склад медикаментов, отдельные сёстры (Бакунины), приехавшие в Петербург из других городов, получили квартиры во дворце Елены Павловны. По окончании Крымской

войны великая княгиня выделила на год правый флигель творения Росси для проживания 39 (а потом и 80) сестёр и испытуемых. И в мирных условиях хозяйка Михайловского дворца продолжала заниматься общиной: привлекала врачей, искала медицинские базы для служения сестёр, создала при сестричестве амбулаторию и лечебницу, приобрела для него здание с участком на Фонтанке у Калинкина моста, построила на собственной земле в Ораниенбауме загородный дом для больных сестёр. Затраты великой княгини Елены Павловны на Крестовоздвиженскую общину сестёр милосердия в 1854–1871 гг. составили более полумиллиона рублей. Благодаря такой заботе Община действовала вплоть до 1917 г.: около 200 сестёр работали в своей больнице на Фонтанке, содержали школу для девочек и ежедневно выходили в петербургские городские больницы и военные госпитали для безвозмездного труда. При Крестовоздвиженской общине под руководством профессоров Э. Э. Эйхвальда (лейб-медика Елены Павловны) и доктора К. К. Рейтера работали курсы сестёр милосердия.

Семья великой княгини Елены Павловны продолжила традиции медицинской благотворительности. Её дочь великая княгиня Екатерина Михайловна устраивала детские реабилитационные заведения санаторного типа, построила задуманный матерью Клинический институт, первым директором которого стал профессор Э. Э. Эйхвальд. Впоследствии сыновья Екатерины Михайловны герцоги Г. Г. и М. Г. Мекленбург-Стрелицкие поочерёдно были попечителями этого новаторского медицинского заведения, много сделали для его развития. В Клиническом институте в дополнение к основному штату постоянно работали сёстры Крестовоздвиженской общины, с 1873 г. находившейся под покровительством великой княгини Екатерины Михайловны. Сёстры Общины участвовали в Черногорско-турецкой (1876) и Русско-турецкой (1877–1878) войнах. В начале 1878 г. Екатерина Михайловна открыла при Михайловском дворце приют для офицеров, приезжавших в столицу с Балканской войны на протезирование. Специальный Комитет великой княгини заботился о приезжающих увечных. По её инициативе для «Общества попечения о раненых и больных воинах», находившегося под покровительством императрицы Марии Александровны, был построен собственный дом на Инженерной ул., 9. В этом здании впоследствии расположилось Главное управление Российского Красного Креста — преемник выше названного общества. В доме на Инженерной улице находился и склад имущества инвалидов, опекаемых великой княгиней Екатериной Михайловной, принимались денежные пожертвования и вещи.

После смерти Екатерины Михайловны в 1894 г. Крестовоздвиженская община сестёр милосердия перешла в ведение Российского Красного Креста, при этом герцоги Мекленбург-Стрелицкие остались верны завещанию бабушки, пожелавшей, чтобы и после её смерти потомки перечисляли сестричеству ежегодно 5000 рублей. Таким образом, формально находясь в Обществе Красного Креста, Крестовоздвиженская община продолжала существовать в значительной мере на пожертвования одной семьи, сёстры общины трудились в созданных и

опекаемых герцогами Мекленбургскими учреждениях: Клиническом институте великой княгини Елены Павловны и разнообразных благотворительных учреждениях Ораниенбаума, в котором для сестёр Общины был построен специальный дом.

Важнейшим этапом в военной благотворительности герцогов Мекленбург-Стрелицких стала Русско-японская война. Значительное место в их помощи фронту занимали посылки в армию: одежда, обувь, продукты. Летом 1904 г. солдаты 13-й роты Самарского полка получили от герцога М. Г. Мекленбург-Стрелицкого 250 мешков с табаком и теплыми вещами⁴. Сестра герцога, принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская, приобрела 20 000 аршин ситца на рубахи для воинов, заказав их пошив в мастерских Иоанновского женского монастыря и Училища святой Елены. Она также направила в Харбин материал для теплых портянок. В годы Русско-японской войны в Каменноостровском дворце (петербургской резиденции принцессы Е. Г. Саксен-Альтенбургской) было открыто отделение Российского общества Красного Креста, одной из задач которого было снабжение Русской армии на Дальнем Востоке⁵. Герцоги Мекленбург-Стрелицкие и принцесса Саксен-Альтенбургская в 1904–1907 гг. регулярно делали пожертвования в адрес Красного Креста, перечисляли средства в пользу раненых и больных воинов, сражавшихся на Дальнем Востоке⁶, участвовали в благотворительных концертах и выставках. В 1904 г. под августейшим покровительством императрицы Александры Федоровны в залах Училища барона Штиглица состоялась «Историческая выставка предметов искусства» в пользу раненых воинов. На выставке экспонировались предметы русского и западноевропейского искусства из частных собраний. Герцоги Мекленбургские и принцесса Саксен-Альтенбургская предоставили для выставки из своих коллекций уникальный мейсенский фарфор, мебель и кружева. Для выставки русских портретов, проходившей в Таврическом дворце в 1905 г. в пользу вдов и сирот погибших в Русско-японской войне, герцоги Мекленбургские предоставили более 10 полотен из своих петербургских и ораниенбаумских дворцов⁷.

В апреле 1904 г. по инициативе газеты «Новое время» проходил сбор средств для семей павших воинов. В этой акции в особняке герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого на Фонтанке приняли участие все: герцог, графиня Карлова, дети, родные, друзья дома, музыканты-участники Квартета герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого, прислуга. Сумма пожертвований колебалась от 50 копеек до 50 рублей, всего в редакцию «Нового времени» герцогом Г. Г. Мекленбургским было передано 338 рублей 50 копеек⁸. Герцог Георгий Георгиевич был председателем Ораниенбаумского отделения Российского Красного Креста; при его непосредственном участии жители «заштатного» городка в 1904 г. собрали на нужды военного времени 1104 рубля 25 копеек⁹. Супруга герцога Г. Г. Мекленбургского графиня Н.Ф.Карлова в павильоне Катальная горка Ораниенбаумского дворцового имения организовала склад медикаментов и вещей для отправки на фронт.

Вторым направлением благотворительной деятельности герцогов Мекленбургских стала помощь больным и раненым воинам. На первом этапе Русско-японской войны в лазареты на Дальнем Востоке со всей страны направлялись денежные пожертвования, но, когда эшелоны с ранеными стали прибывать в европейскую часть России, было решено наряду с существовавшими военными госпиталями организовать сеть общественных медицинских учреждений. Организатором и координатором деятельности по размещению прибывающих раненых выступила Особая комиссия Красного Креста. Движение по созданию госпиталей, лазаретов, санаториев для пострадавших на войне охватило всю страну. Отдельные заведения в столице были открыты в декабре 1904 года. Первый санитарный поезд пришел в Петербург 20 января 1905 года в сильный мороз: специально для транспортировки раненых от вокзала до лазаретов на пожертвования петербуржцев было приобретено 250 тулупов. Пик возникновения негосударственных лазаретов пришелся на весну-лето 1905 года, когда происходили самые большие поступления раненых с Дальнего Востока: в столице было открыто 74 госпиталя и 42 – в губернии.¹⁰ Всего столица приняла 137 составов, на излечение поступило 11842 нижних чина и 742 офицера.

Частные лица, общественные, государственные организации, учебные, медицинские заведения, военные части, монастыри открывали собственные госпитали или содержали койки для раненых в городских больницах. Общественные лазареты отличались по размерам: от небольших (на 2-3 койки) до рассчитанных на десятки мест. Гражданское население взяло на себя полное содержание устроенных медицинских заведений: обследование, лечение и питание раненых, обеспечение их медикаментами, постельным бельем, одеждой, оплату медперсонала, оказание денежного вспомоществования выписывающимся воинам. Петербуржцы жертвовали на деятельность лазаретов значительные суммы, многое делалось безвозмездно: предоставлялись помещения, производилась их перепланировка под лазареты, кареты скорой помощи и извозчики доставляли раненых от вокзалов до мест лечения, многие санитары, медсестры и врачи трудились на добровольных началах, петербургские аптекари выделяли бесплатно или со значительной скидкой медикаменты. Пациенты лазаретов обеспечивались газетами и книгами из центральной библиотеки Петербургского общества грамотности, причем книги и журналы подлежали возврату, а газеты оставались в распоряжении лазаретов. При ряде лечебных заведений были организованы учебные мастерские, где военные получали гражданские профессии (обучались сапожному, веревочному, корзиночному делу)¹¹.

Герцоги Мекленбургские активно включились в работу по организации медицинских учреждений для участников Русско-японской войны. Герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицкий содержал койку в лазарете Петербургского комитета для оказания помощи раненым и их семьям (в Ковенском пер.)¹², участвовал в создании больницы в Гатчине¹³. Однако главным событием лета 1905 г. для герцогов Мекленбургских стало открытие 15 июня их собственного

лазарета для душевнобольных нижних чинов¹⁴. Во все учреждения Красного Креста был направлен циркуляр с просьбой «уведомлять о всех находящихся и поступающих в лазарет нижних чинах, проявляющих признаки нервного расстройства, дабы иметь возможность перевести таковых в названный лазарет»¹⁵. Временный дворцовый лазарет был рассчитан на 38 мест, в течение года в нем находилось на излечении 83 человека с диагнозами «неврастения», «невроз», «истерия», «психопатия» и др. Принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская и её братья выделили для лечебного заведения Картинный дом в своей летней резиденции Ораниенбауме. Лазарет просуществовал под их покровительством официально до лета 1906 г.¹⁶, но герцоги Мекленбург-Стрелицкие продолжали оказывать помощь своим подопечным вплоть до 1909 г.¹⁷ Устроители лазарета приглашали священника для духовных бесед, организовали в стенах лазарета специальные занятия для малограмотных, которые охотно посещало большинство больных. Герцоги Мекленбургские и их сестра оказывали выписывающимся денежную помощь, трудоустраивали их; шесть больных за счет герцогской семьи были направлены для дальнейшего лечения в Старую Руссу.

Многочисленная блокада русского гарнизона в Порт-Артуре и героизм его защитников восхитили русское общество. С падением крепости для правительства значительной проблемой стало оказание помощи пленным порт-артурцам, содействие их возвращению на Родину, приобретение одежды, поддержка при обустройстве в мирной жизни, выдача пособий, предоставление необходимого лечения, содержание инвалидного дома, забота о семьях погибших. Решение этих задач взял на себя Порт-Артурский комитет по оказанию помощи раненым солдатам и увековечиванию памяти павших. Он был создан в январе 1905 г. под покровительством императрицы Марии Фёдоровны. Комитет возглавила принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, но фактически его работой руководила графиня Наталья Федоровна Карлова – помощница председательницы, т.к. в это время принцесса Ольденбургская находилась на лечении за границей. Супруг графини Карловой герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий также входил в состав членов Комитета, он пожертвовал одежду на 8500 рублей¹⁸. Официальным адресом Порт-Артурского комитета стала петербургская резиденция герцога Мекленбургского на Фонтанке, 46. Комитет регулярно публиковал объявления о своей деятельности в «Правительственном вестнике», петербургских и провинциальных периодических изданиях. Со всей страны в адрес Комитета от гражданского населения и учреждений шли пожертвования¹⁹, часть которых направлялась в виде пособий соотечественникам, оказавшимся в японском плену²⁰, другая часть использовалась для приобретения теплых вещей, белья и питания для пленных. Общество русских драматических писателей и оперных композиторов одновременно пожертвовали тысячу рублей в пользу защитников Порт-Артура и пленных нижних чинов, а их семьям, вдовам и сиротам – ещё пять тысяч²¹.

На заседании Порт-Артурского комитета в феврале 1905 г. было зачитано письмо посла Франции в России М. Бомпара о том, что пленные порт-артурцы католического и иудейского вероисповедания просят прислать им книги «духовно-нравственного содержания на польском и еврейском языках»²². Участник обороны Порт-Артура генерал-майор В. А. Рейс высказался о необходимости и для православных пленников «полезных русских книг»²³. Скудость духовной пищи в лагерях вскоре подтвердилась письмом из Японии в Порт-Артурский комитет с просьбой прислать ноты и литературу духовного содержания²⁴. Графиня Карлова выступила организатором беспрецедентной акции, поместив в газете «Новое время» в начале 1905 г. объявление о сборе литературы религиозно-нравственного содержания для пленных соотечественников. Идею поддержали многие. Посылки с книгами поступали в городскую резиденцию герцога Г. Г. Мекленбургского из Москвы, Новгорода, Орла, Нижнего Новгорода, Полтавы, Риги²⁵. По количеству пожертвованных книг лидировал, конечно, Петербург. Печатную продукцию для пленных порт-артурцев отправляли издатели, редакторы, владельцы книжных магазинов, частные лица. В результате были собраны десятки тысяч томов, и в Японию в лагеря военнопленных были отправлены сотни посылок²⁶ на разных языках народов России, включая издания Библейского общества.

Работа Порт-Артурского комитета основывалась на строгом учете: были составлены списки защитников крепости на начало Русско-японской войны, пленных порт-артурцев, лиц, получивших увечья во время обороны крепости, перечни воинов, возвращающихся на Родину²⁷, выявлены гражданские лица (рабочие Балтийского завода, дружинники), оказавшиеся в осажденном Порт-Артуре²⁸. Значительную часть дел вела сама графиня Н. Ф. Карлова²⁹. Вне её поля зрения не оставалось ни одного вопроса: сотни нижних чинов получили проездные билеты для возвращения домой, одежду, подъемные деньги, пособия, пенсии³⁰. Графиня Н. Ф. Карлова обращалась с убедительными ходатайствами в уездные, волостные полицейские управления, к губернаторам по месту жительства порт-артурцев о выдаче им пособий³¹. Порт-Артурский комитет распределял прибывших раненых на лечение (в т. ч. за границу)³², создал Инвалидный дом в Подольской губернии, организовал при Максимилиановской лечебнице в Петербурге «общежитие для солдат-инвалидов с сапожной, портняжной и шорной мастерскими»³³ для их дальнейшей адаптации в мирной жизни. Графиня Карлова заботилась о трудоустройстве бывших воинов, обращалась в министерства, к руководителям учреждений с просьбами о приеме своих подопечных на работу³⁴. Несколько участников обороны Порт-Артура по просьбе графини Н. Ф. Карловой в 1905 г. принял на работу её брат, Ф. Ф. Ванлярский – управляющий акцизными сборами в Вологде. В письмах сестре он отмечал, что присланные ею бывшие военные оказались замечательными работниками³⁵. Наталья Федоровна много внимания уделяла семьям раненых и погибших воинов, опекала осиротевших детей и вдов³⁶, помогала инвалидам в получении протезов, добивалась льгот для бывших воинов, направляла детей порт-

артурцев в учебные заведения, больницы, приюты³⁷. Благодаря поддержке Комитета защитникам Порт-Артура безвозмездно предоставлялись земельные участки, выделялся лес для строительства собственных домов³⁸, выдавались разрешения на открытие питейных заведений³⁹. Последнее заседание Комитета состоялось 27 марта 1906 г., официально он завершил работу 1 февраля 1907 г., в действительности же работа продолжалась, т.к. после закрытия Порт-Артурского комитета была создана Комиссия по выплате ранее назначенных пособий под председательством графини Н. Ф. Карловой⁴⁰. Спектр рассматриваемых вопросов был, конечно, намного шире, порт-артурцы по-прежнему обращались к своей защитнице с самыми различными проблемами. Последние дела Комитета относятся к 1910 г. и посвящены получению компенсаций за утраченное в ходе военных действий имущество нижними чинами порт-артурцев, обосновавшимися после войны в Казанской губернии (Казанский, Спасский и Мамадышский уезды)⁴¹.

Трудно переоценить работу Порт-Артурского комитета и графини Н. Ф. Карловой по оказанию помощи защитникам крепости, находившихся в японском плену, в их лечении по возвращении на Родину, в обустройстве их в мирной жизни. Вся эта колоссальная благотворительная деятельность осуществлялась по велению сердца, не ради наград. И всё же неутомимая работа семьи герцогов Мекленбург-Стрелицких получила высокую оценку общества. За деятельность в Порт-Артурском комитете Наталья Федоровна была награждена орденом Святой Екатерины Малого креста⁴². Герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий как активный благотворитель в годы Русско-японской войны получил знак отличия Российского общества Красного Креста⁴³, а в 1908 г. был избран почетным членом этого общества⁴⁴. Старший брат герцога, Георгий Георгиевич, к тому времени уже был почетным членом Российского общества Красного Креста. По окончании Русско-японской войны, когда было решено увековечить память всех погибших на полях сражений сооружением в Петербурге храма Христа Спасителя (Спас-на-водах), многие россияне приняли участие в поистине всенародном сборе средств на создаваемый храм-памятник: герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицкий пожертвовал на строительство 200 рублей⁴⁵.

Менее 10 лет длилась мирная передышка в России: в августе 1914 г. разразилась Первая мировая война. Ура-патриотические настроения первых месяцев быстро сменились осознанием предстоявших больших жертв и необходимости действия каждого гражданина на благо победы. Огромный опыт благотворительной деятельности, накопленный в годы Русско-японской войны, очень скоро оказался востребованным. Война вновь консолидировала общество – объединению всех его слоев содействовали военная мобилизации, мощное добровольческое движение, помощь тыла сражающимся и раненым воинам, пострадавшему во время войны мирному населению, вдовам и детям.

Потомки великой Княгини Елены Павловны вновь включились в военную

благотворительность. Особенность их положения заключалась в том, что противником России в Первой мировой войне выступала Германия, а герцоги Мекленбург-Стрелицкие не только были представителями одного из немецких великогерцогских правящих Домов, имели в Германии ближайших родственников и недвижимость, но и по рождению были германскими подданными. Перед войной они сменили гражданство на российское: в 1910 г. вдова герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого, графиня Карлова и их дети; в июне 1914 г. герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицкий; его сестра принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская 17 июля 1914 г. Они мотивировали своё решение тем, что родились в России, здесь их место жительства и службы, что по образу мысли и языку они являются русскими. Это не было преувеличением – великий князь Александр Михайлович, так отзывался о мекленбургских кузенах: «Полунемцы по своему рождению, но совершенно русские душой». Родство с Домом Романовых защитило герцогов Мекленбург-Стрелицких от поражений в правах как бывших немецких подданных, но не спасло их немецких служащих, высланных в Германию с началом Великой войны. Именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату герцог М. Г. Мекленбургский и его сестра были освобождены от установленных законом ограничений. Указ вышел в апреле 1915 г., но герцоги Мекленбургские не дожидались официальных распоряжений. Генерал-лейтенант герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицкий был на фронте с начала войны, за удачные операции получил награды, в т.ч. георгиевские орден и оружие. Его сестра, принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская, и вдова брата, графиня Карлова с детьми, вносили свой вклад в общее дело, находясь в Петрограде.

Они вновь делали регулярные пожертвования в адрес Красного Креста: на нужды раненых и больных воинов⁴⁶, русских пленных в Германии⁴⁷. Принцесса Альтенбургская организовала отправку библиотек в лагеря военнопленных в Германии и Австрии, проводила сбор средств в пользу Ораниенбаумского комитета запасных воинов⁴⁸. Графиня Н. Ф. Карлова сама жертвовала деньги, и, являясь членом многочисленных благотворительных комитетов, организовывала сбор пожертвований среди населения⁴⁹. Она также направила в действующую армию и в госпитали сотни посылок с теплыми вещами, книгами, подарками. Овдовевшая в 1909 г. графиня Н. Ф. Карлова трогательно заботилась о своём девере, герцоге М. Г. Мекленбург-Стрелицком, находившемся на передовой, и о «его людях», о воюющих друзьях, о традиционно покровительствуемых семьей военных частях и об абсолютно незнакомых ей людях. Среди адресатов графини Карловой – лейб-драгуны, 96-й пехотный омский полк, 22-й мортирный парковый артиллерийский дивизион, крейсер «Адмирал Макаров», 95-й полевой запасной госпиталь и многие другие. Графиня Н. Ф. Карлова и принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская, используя свои родственные и дружеские связи, узнавали о судьбах русских пленных в Германии и немцев в России (эти связи с Германией впоследствии безуспешно пытались им вменить в вину Временное правительство). Принцесса Саксен-Альтенбургская

даже предлагала помощь своих дочерей, живших в Германии, в качестве информаторов русского правительства для получения сведений о лицах, интересующих власти⁵⁰.

В годы Первой мировой войны Петергофская община сестёр милосердия, попечительницей которой с 1912 г. была графиня Н. Ф. Карлова, принимала раненых в свой лазарет, готовила сестёр милосердия для отправки в полевые госпитали, собирала пожертвования для раненых и семей воинов⁵¹. Колоссальную работу вела графиня Н. Ф. Карлова в «Петроградском особом комитете Великой княжны Ольги Николаевны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну»⁵²: она состояла членом его Постоянного исполнительного отдела, была заведующей Центральным складом-мастерской и председателем Ораниенбаумской комиссии этого же комитета. Наталья Фёдоровна Карлова, имевшая большой опыт в благотворительной деятельности, помогала председательнице Общества великой княжне Ольге Николаевне в сборе средств на нужды Комитета. Приём пожертвований проходил по средам в Комендантском подъезде Зимнего дворца. При Комитете 26 ноября 1914 г. была открыта собственная пошивочная мастерская, а 21 января следующего года – Центральный склад по приему, распределению и изготовлению швейных работ, который возглавила графиня Карлова. Это учреждение, с одной стороны, обеспечивало работой не менее 3,5 тысяч женщин Петрограда и губернии, с другой, – снабжало бельём армию. Центральный склад-мастерская находился в помещении бывшего ледяного катка на Каменноостровском проспекте. Помощь семьям призванных в армию проявлялась также в снабжении нуждающихся членов семей запасных бельём, обувью, теплой одеждой. На оборудование склада Комитетом было ассигновано 20 тысяч рублей. Кроме того, на склад поступали многочисленные пожертвования, всего на сумму 18,5 тысяч рублей⁵³. За первые пять месяцев существования склада из него было выдано 615 семьям запасных более 5 тысяч предметов одежды и обуви на сумму около 6 тысяч рублей. Склад снабжал также швейными машинками мастерские Комитета и городских попечительств. Всего в распоряжение склада было предоставлено 170 ручных и 90 ножных машин (100 машин передал Комитет склада Красного Креста, 80 – кампании Зингер). Графиня Карлова организовывала работу жён призванных на войну кормильцев семей, обеспечивала их машинками, материалом, добивалась постоянного получения заказов от военного ведомства. Для многих женщин работы для Комитета великой княжны Ольги Николаевны были единственным источником дохода. Только за два с небольшим месяца (с 26 ноября 1914 г. по 6 февраля 1915 г.) мастерскими было изготовлено 34746 предметов, а швеям выплачено почти 60000 рублей. Работы у сотрудников Комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, было с избытком, всё было подчинено нуждам военного времени, но в те дни особенно ценилось человеческое тепло и внимание. Поэтому великая княжна Ольга Николаевна сокрушалась в письме отцу в августе 1915 г. о том, что члены её комитета забыли поздравить «ымынынницу» графиню Н. Ф. Карлову⁵⁴.

Наталья Фёдоровна прекрасно организовала работу и Ораниенбаумской комиссии Ольгинского комитета, которую она возглавляла. Объектом заботы Комиссии были Ораниенбаум, прилегающие к нему деревни и Старый Петергоф. Она выступила организатором благотворительной деятельности в уезде, обеспечила работой в военные годы сотни женщин в этой части губернии: они занимались пошивом на дому белья для раненых, а в Ораниенбауме и Старом Петергофе трудились в специальных швейных мастерских. Графиня Н. Ф. Карлова занималась устройством в школы детей мобилизованных, назначением пособий их семьям, трудоустройством вернувшихся с фронта раненых. Вдова герцога Мекленбургского, она заботилась о жизни населения заштатного Ораниенбаума и в конце 1915 г. открыла в Ораниенбауме дешёвую столовую, в которой за крайне низкую плату в 20 копеек обедали около 200 человек ежедневно, многие приходили по льду Финского залива из Кронштадта⁵⁵.

Главным проявлением милосердия семьи герцогов Мекленбург-Стрелицких во время Первой мировой войны стала госпитальная благотворительность. Графиня Н. Ф. Карлова и герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицкий жертвовали средства⁵⁶ на лазарет Кружка полковых дам лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, открытый в ноябре 1914 г. в Басковом пер. На открытии заведения присутствовала принцесса Альтенбургская. В декабре к герцогу М. Г. Мекленбург-Стрелицкому обратилась супруга командира Первой артиллерийской бригады и председатель Дамского кружка Е. Пономаревская-Свидерская с просьбой взять под покровительство их лазарет⁵⁷, но Михаил Георгиевич, участвовавший уже во многих благотворительных начинаниях, отказался от предложенной чести. Он оплачивал именные койки в этом лазарете и в лазарете Общества школьных дач в Сестрорецке⁵⁸, жертвовал на «сверхнужды» (дорогие лекарства, особое питание, биндажи и т.п.) лазарету Московского полка 50 рублей в месяц⁵⁹. Первой артиллерийской бригаде и Московскому полку семья традиционно покровительствовала со времен великого князя Михаила Павловича. Ещё большим было участие герцога Мекленбургского в семейных лазаретах.

В октябре 1914 г. в особняке на Фонтанке, 46, старшая дочь графини Н. Ф. Карловой и герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого княгиня Е. Г. Голицына открыла лазарет для выздоравливающих офицеров. Госпиталь разместился в лучших залах второго этажа, как писала его устроительница, «в пяти комнатах: зала, гостиная, кабинет и бывшая уборная Папá, в спальне Папá устроена перевязочная»⁶⁰. Княгиня Екатерина Голицына делилась в том же письме в начале октября 1914 г. новостью с дядей: «Лазарет готов, раненых пока нет, но нам обещали скоро прислать»⁶¹. Для удобства родных герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицкий разрешил для нужд лазарета использовать его кухню, расположенную в первом этаже здания.⁶² Хотя лечебное заведение было рассчитано на 12 коек, в отдельные месяцы число раненых доходило до 20 человек. В лазарете работали доктор, медицинская сестра, массажистка, санитар, горничная, повариха и судомойка. Графиня Н. Ф. Карлова, её две дочери и сын также

ухаживали за ранеными, старались скрасить унылые госпитальные будни, украшали ёлку для выздоравливавших и приглашали священника для рождественской и пасхальных служб. Особое внимание уделялось в лазарете питанию выздоравливавших офицеров. В их рацион были включены шоколад, фрукты (айва, ананасы, земляника, абрикосы). В госпитале на излечении находились офицеры Сибирского стрелкового, 7-го гусарского и других полков⁶³.

Госпиталь обходился его патронессе княгине Е. Г. Голицыной в 1000-1250 рублей в месяц. Все расходы, в т. ч. на оборудование, лечение, питание, медикаменты взял на себя князь В. Э. Голицын, адъютант главнокомандующего Русской армией великого князя Николая Николаевича. Князь Голицын посылал на лазарет своей жены часть жалованья⁶⁴. В январе 1915 г. лазарет княгини Е. Г. Голицыной на Фонтанке посетили великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны, хорошо знакомые с хозяйкой лазарета – их дальней родственницей. Великих княжон сопровождала фрейлина императрицы баронесса С. К. Буксгевден. Это событие нашло отражение в дневниках августейших посетительниц и в их письмах на фронт Николаю II. Особо старшие дочери императора отметили гостеприимство хозяев и прелесть новорожденного младенца (месяцем ранее молодая княгиня Голицына дала жизнь своему первенцу). Ребёнок находился на 3-м этаже, в бывших детских комнатах, куда великие княжны поднялись полюбоваться мальчиком. На следующий день великая княжна Татьяна отчитывалась о прошедшем дне в письме к отцу: «Вчера, когда мы ездили с Ольгой в Петроград, то до пожертвования мы поехали к графине Карловой, у которой в доме устроен маленький лазарет на 12 офицеров. Потом у неё пили чай и шоколад. Она была страшно любезна. Мерика была и Катя, старшая сестра, которая замужем за князем Голицыным. Он у дяди Николаши адъютант, но сейчас тут. У них страшно миленький маленький мальчик»⁶⁵. В дневниковой записи за этот день великая княжна Татьяна Николаевна добавила о княжиче Николеньке Голицыне: «Пушкинский мальчик». Ей вторила сестра Ольга в своём ежедневнике: «... ходили смотреть её [графини Н. Ф. Карловой – Е.К.] прелестного внука...»⁶⁶. В мае 1915 г. княгиня Е. Г. Голицына последовала в Тифлис, к новому месту службы мужа, и с осени 1915 г. финансирование лазарета княгини Е. Г. Голицыной стали осуществлять её мать, графиня Н. Ф. Карлова, взявшая на себя ежемесячный взнос в 500 рублей, и дядя, герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий⁶⁷. Во главе сохранившего своё название лазарета встала младшая сестра княгини Е. Г. Голицыной графиня М. Г. Карлова, получившая диплом медицинской сестры на курсах Красного Креста.

Сестра герцога М. Г. Мекленбург-Стрелицкого, принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская, 8 октября 1914 г. также открыла в Каменоостровском дворце лазарет. В письме брату она сообщила: «Я решила устроить лазарет для нижних чинов раненых на Каменном острове. Отдаю для этого нижний этаж за исключением залы и гобеленной комнаты, куда собираю всю ценную мебель. Сама хочу жить наверху в бывших детских возле библиотеки. Надо поместить до 120 кроватей. Возьму из Большого и Китайского дворцов и Кавалерского дома все

свободные кровати, подходящие для лазарета. Нужда в Петербурге большая в помещениях для раненых; у меня будут такие, которые не нуждаются в операции, ибо операционные комнаты устроить не могу»⁶⁸. О причинах, побудивших её организовать медицинское учреждение в Каменноостровском дворце, она написала брату, герцогу Михаилу Георгиевичу, следующее: «Так хочется в годину тяжелых испытаний своей работой отплатить за всё, то хорошее мирное житие, чем баловала нас судьба. Впрочем, ты много лет нес службу; а мы ничего особенного не делали, просто жили! И теперь надо понатужиться по мере сил»⁶⁹. (Следует отметить, что принцесса Альтенбургская была активным членом Женского патриотического общества, с 1900 г. – председателем Российского общества защиты женщин, в 1909 г. она возглавила Императорское русское музыкальное общество, была покровительницей многочисленных благотворительных учреждений). В её Каменноостровском лазарете работало 26 человек (все за счет хозяйки дворца): 2 врача, 4 медицинских сестры, 12 санитаров, 1 вахтер, 2 кухарки, 3 посудомойки, 2 уборщицы. Средства на питание выздоравливающих воинов выделяло военное ведомство – 47 копеек на одного раненого, остальные расходы, включая штат и медикаменты, оплачивались Еленой Георгиевной. Лазарет потребовал бóльших средств, чем предполагалось изначально: пришлось увеличить количество санитаров и прислуги, а в связи со значительным подорожанием продуктов с началом Первой мировой войны, Е. Г. Саксен-Альтенбургская приняла на себя дополнительную плату за питание раненых и персонала госпиталя.

Лазарет пользовался популярностью у петербуржцев, получал пожертвования, но этих сумм не хватало. Принцесса Саксен-Альтенбургская понимала, что «... при затяжной войне хорошие настроения и платёжные силы ослабевают»⁷⁰. Она поделилась своими планами с братом: «Хочу просить знакомых платить по 15 рублей в месяц за кровать»⁷¹. Конечно же, Михаил Георгиевич не мог остаться в стороне и взял на себя ежемесячный взнос в 300 рублей (3600 рублей в год), тем самым оплачивая 20 кроватей⁷². Так как в лазарете Елены Георгиевны находились, главным образом, легко раненые, то большая их часть возвращалась на фронт. Она сообщала брату: «Из моего лазарета выписалось 14 человек, а на будущей недели уходят 44, большей частью обратно в армию. Они смотрят на это спокойно, сознавая, что так нужно, но вовсе не «рвутся обратно на войну», как пишут газеты. Ох, эти газеты! Какой невозможный тон и неискреннее отношение к такому важному делу»⁷³. Принцесса Альтенбургская отмечала, что в её госпитале «... встречаются мне исстрадавшиеся с раздробленными костями и очень изнуренные»⁷⁴, многие раненые не могли вернуться в строй даже после лечения. Годы Первой мировой войны принесли Елене Георгиевне большие переживания: помимо волнений за находящегося на фронте брата, герцога М. Г. Мекленбург-Стрелицкого, она страдала из-за отсутствия известий от приемных дочерей, которые вместе с семьями жили в Германии, а их мужья были офицерами кайзеровской армии. Елена Георгиевна признавалась брату: «...

ежедневно мучаюсь всякими тревогами. Единственное, что успокаивает, эта работа для нужд войны и молитва за всех близких и дорогих мне людей»⁷⁵.

Дважды лазарет своей троюродной сестры на Каменном острове посещала императрица Мария Фёдоровна. И если в начале войны, она отмечала его техническое оснащение: «Госпиталь госпожи Тинхен [*домашнее имя принцессы Саксен-Альтенбургской – Е.К.*] оказался прекрасно оборудованным заведением»⁷⁶, то спустя год дневниковая запись императрицы полна боли и сострадания: «Мы приехали в клинику Елены, чтобы увидеть только что прибывших несчастных инвалидов. Печальная картина. Так много изувеченных, слепых, один без обеих ног»⁷⁷.

Конечно, Каменноостровский дворец не мог не пострадать в результате размещения в нём лазарета, но принцесса Альтенбургская понимала несоизмеримость её жертв с общей трагедией войны. Справка конца 1918 г. зафиксировала состояние здания, сильно ухудшившееся после революции: «Нижний этаж дворца, отведённый под лазарет, а затем под общежитие для инвалидов, весьма пострадал за время занятия, в особенно плохом состоянии полы, расписные потолки и стены, двери и печи отличной работы. <...> В неприкосновенности остался только большой зал и прилегающая к нему комната, в которых сложены в полном беспорядке самые разные предметы бывшего убранства дворца, начиная с больших мраморных скульптур и кончая мелкими портретами, зеркалами и вазами...»⁷⁸. Историк Ю. В. Готье посетил дворец на Каменном острове в 1920 г. и также отметил, что он «сильно испорчен от госпиталя, устроенного в нем владелицей, принцессой Саксен-Альтенбургской, в первые месяцы войны; однако в нем сохранились парадные комнаты, напоминающие Александра I – маленькие комнаты, вероятно, его личные апартаменты»⁷⁹.

Закончив в октябре 1914 г. устройство лазаретов в своих петербургских дворцах, герцоги Мекленбург-Стрелицкие получили просьбу руководства Кронштадтской крепости о размещении на территории их дворцового имения в Ораниенбауме госпиталя Морского ведомства⁸⁰. Война приносила новые жертвы: раненым уже не хватало мест в стационарном госпитале в Кронштадте. Владельцы Ораниенбаума были прекрасно осведомлены об историко-художественной ценности своих дворцов, тем не менее, они рискнули расположить в них госпиталь. Принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская так описала недолгий процесс принятия решения в письме на фронт брату: «Главная моя новость следующая: вчера был у Наташи [*графини Карловой – Е.К.*] генерал Маниковский [*А. А. Маниковский – начальник артиллерийского управления Кронштадтской крепости – Е.К.*] и сказал, что Ал. Петр. Ольденбургский хочет направить в Кронштадт много раненых, что Маниковский не желал бы, чтобы они находились в самом Кронштадте и просит нас представить ему помещения здесь «одни стены», по его выражению, а оборудование он даст сам. Узнав это от Наташи, я тотчас написала ему, что мы рады оказать ему содействие и просим прислать сведущее лицо, с

которым я могла бы переговорить. Сегодня приехали старший крепостной врач и хирург, и я с ними и Гейденрейхом [*врач госпиталя Каменноостровского дворца – Е.К.*] обошла все помещения, а именно: нижний этаж Кавалерского Дома, нижний этаж средней части Большого Дворца и школьную дачу. Наташа хочет переехать в западный флигель и предоставить свои комнаты в средней части; в верхний этаж поставим ценную мебель. Я объявила врачам, что так как у нас принято, заведено ради контроля платить за дрова и электричество, я предлагаю, чтобы военное ведомство сделало тоже самое. Необходимую проводку воды в умывальники и перевязочные комнаты сделаем мы. Врачи хотели доложить генералу, изучить планы зданий и затем дать окончательный ответ»⁸¹. В результате госпиталю, как и в предыдущих случаях, были отданы лучшие, бóльшие по площади, парадные залы. Он расположился в центральной части первого этажа Большого дворца (от Центральной части до Японского павильона включительно – 200 коек), в первом этаже Кавалерского дома (100 коек) и в здании Школьной дачи (40 коек).

Открытию Ораниенбаумского отделения Николаевского Морского госпиталя предшествовала большая работа. Графиня Карлова и принцесса Саксен-Альтенбургская освободили помещения от мебели, убрали живопись, фарфор. Всё самое ценное было сложено в закрытых залах Большого дворца. Мебель разместили в мемориальных комнатах великой княгини Екатерины Михайловны (мебель в стиле «жакоб», мебель бильярдной), в библиотеке Михаила Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого и в Белом зале. Снятые картины были пронумерованы, аккуратно сложены и укрыты бумагой в комнатах Екатерины Михайловны. Пришлось оставить на месте из-за невозможности снять «длинные» полотна на батальные сюжеты, которые висели в одном из коридоров дворца (около комнат О. А. Тилло). Предметы мебели из первого этажа Кавалерского дома перевезли в Каталную горку. Созданный в Большом дворце потомками Музей Михаила Павловича и библиотеку графа Фредро закрыли на ключ. «Изображения военных в Кавалерском доме все сложены вместе в одной комнате наверху в моей бельевой, тоже покрыты бумагой», – отчитывалась принцесса Альтенбургская перед братом. Необходимость таких мер понимали и врачи создаваемого госпиталя, и хозяева: «Сами врачи просили снять всё, до чего можно было дотронуться, и мы решили, что вернее все картины снять», – писала принцесса Саксен-Альтенбургская⁸². В свою очередь герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий посылал наставления с фронта: «Если будут устраивать лазарет в Большом дворце в Ораненбауме, то берегите ценные вещи, конногренадерские картинки и тарелки, а также прочие военные тарелки. Их легко снять со стен, но развесить их опять в том порядке, как это было исполнено Братом, не так просто, если не запомнить тщательно место каждой вещи. Кроме того, наша администрация должна строго наблюдать за комнатами и вещами, т.к. санитары и денщики народ сомнительный, враги офицерского и частного имущества. Не трогайте, пожалуйста, музей и закройте библиотеку гр. Фредро. Иначе всё испортят и разграбят»⁸³.

Графиня Карлова и принцесса Саксен-Альтенбургская предоставили госпиталю под расписку мебель «простого дерева» и всё же взяли на себя отопление зданий, оставив военному ведомству только плату за освещение и подвоз воды. Они стремились облегчить участь раненых, поправляющих своё здоровье в Ораниенбауме, устраивали для них рождественские ёлки⁸⁴, нехитрые развлечения. Графиня Карлова рассказывала герцогу М. Г. Мекленбург-Стрелицкому в письме: «6-го [июня 1915 г.] мы делали беспроигрышную лотерею для раненых, и счастье видеть улыбку на этих бедных, бледных, измученных лицах. Тедди раздавал билеты, а женщины – выигрыши»⁸⁵.

Ораниенбаум участвовал в благотворительной деятельности и своими предметами. Весной 1915 г. принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская откликнулась на приглашение участвовать в Выставке церковной старины, открывавшейся в залах музея Училища барона Штиглица, предоставив иконы. Она писала брату на фронт: «Сбор от выставки, открываемой на Пасхальной неделе, поступит в пользу комитета великой княжны Татьяны Николаевны, занимающегося населением, пострадавшим от войны. Государь предоставляет выставке все художественные драгоценности дворцовых церквей. Я теперь жду члена комитета выставки в Ораниенбаум для осмотра нашей дворцовой церкви. Всё-таки благая цель, и гарантии безопасности хорошие»⁸⁶.

Не оставляли своими заботами потомки великой княгини Елены Павловны в годы войны и опекавшиеся ими учреждения. С началом войны значительно увеличилось число призреваемых в их ораниенбаумских приютах и детском саду, содержание которых требовало увеличения средств. Герцоги Мекленбургские по-прежнему готовили к Рождеству и выпуску учащихся в школах Ораниенбаума подарки, ставшие более практичными по своему характеру (сласти, ткань на рубашку или платье) из-за военных лишений. Учреждения, находившиеся под покровительством этой семьи, также были вовлечены в благотворительную деятельность. Уже летом 1914 г. в Клинический институт великой княгини Елены Павловны (попечитель герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицким) поступили первые раненые. К 1915 г. число больничных мест в Институте достигло 211. В отделениях Клинического института и в помещениях Оранжерей Таврического дворца (Потёмкинская ул., д. 2) был дополнительно развёрнут Петроградский лазарет № 247. Помимо лечебных мероприятий Институт включился в подготовку среднего медицинского персонала для нужд войны: 20 сентября 1914 г. в его стенах начались занятия на курсах сестёр милосердия военного времени для нужд Красного Креста. Первый набор составили 340 слушательниц. Курсы были двухмесячными и платными: вносимые за обучение 10-15 рублей шли в пользу раненых, находившихся на излечении в Клиническом институте. В августе 1915 г. император Николай II с дочерьми побывал в Еленинском институте, оставив в дневнике запись: «Посетил прибывших из Германии трех офицеров и 245 нижн<их> чин<ов> – > ранен<ых> и увечных»⁸⁷.

В военное лихолетье принцесса Саксен-Альтенбургская и герцог Мекленбург-Стрелицкий участвовали и в новых благотворительных проектах: в 1916 г. они пожертвовали участок земли на Каменном острове для предполагавшейся постройки Института Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества.

Сотрудники Конторы герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого и принцессы Е. Г. Саксен-Альтенбургской также были вовлечены в благотворительную деятельность. Служащие Ораниенбаумского имения регулярно собирали пожертвования на нужды военного времени и передавали их в Красный Крест и различные комитеты. Музыканты Квартета герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого участвовали в благотворительной деятельности, устраивали концерты в пользу раненых. До открытия осенью 1914 г. госпиталей во дворцах своих хозяев музыканты отчисляли 10% от своей прибыли Павловскому дворцовому госпиталю великой княгини Елизаветы Маврикиевны, а после – одному из лазаретов герцогов Мекленбургских. Патронесса ансамбля принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская писала: «Концерт Квартета был весьма удачный, выручили 507 руб., которые отдали моему лазарету»⁸⁸.

Князь Владимир Палей в 1916 г., вспоминая объявление Николаем II о вступлении России в Мировую войну, писал:

«... Толпа, как море, бушевала,
Безумной храбростью горя,
И с умилением повторяла
Слова Российского Царя...

Дворец же старый перед нею,
Безмолвный – волею судьбы,
Душой угрюмою своею
Воспринимал её мольбы.

И, нитью связан с ней незримой,
Сливался каменный дворец
С отвагой непоколебимой
Геройских пламенных сердец»⁸⁹.

Эти строки ярко запечатлели поворотное событие российской истории – чтение императором с балкона Зимнего дворца Манифеста 20 июля 1914 г. о начале Великой войны. Патриотический порыв общества в трудный для страны час объединил, как казалось, и граждан, и твердь камня в неделимое целое. Дворцы и дома Петербурга в военное время стали не только резиденциями людей, сражавшихся на фронте или занимавшихся благотворительностью в тылу. Многие здания распахнули свои двери для размещения различных комитетов военного

времени и медицинских учреждений – словно сами встали в ряды защитников Отечества. Ни один из дворцов, принадлежавших семье герцогов Мекленбург-Стрелицких (принцессе Е. Г. Саксен-Альтенбургской и графини Н. Ф. Карловой), не остался вне благородной помощи стране и страждущим. На примере одной семьи виден весомый вклад гражданского общества в дело борьбы с врагом, закончившейся, к сожалению, поражением России от внутреннего, а не от внешнего противника.

¹ Анри Дюнан : [Электронный ресурс] // Вики-цитатник. URL: http://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D1%80%D0%B8_%D0%94%D1%8E%D0%BD%D0%B0%D0%BD (дата обращения: 21.04.2014).

² Вероятно, назначение в церковь св. Елисаветы в Висбадене о. И. Янышев получил благодаря великой княгине Елены Павловны, возведшей этот храм в память о рано скончавшейся дочери Елизавете герцогине Нассауской и для её упокоения.

³ Впоследствии в. кн. Елена Павловна неоднократно привлекала священников для определения дальнейших путей развития сестричества: о. Александр Гумилевский (духовник Крестовоздвиженской общины в 1860-1862 гг.) предложил августейшей создательнице свой вариант Устава; профессор Киевской духовной академии Н. Л. Зайцев в 1865-1866 гг. по поручению в. кн. Елены Павловны изучал в Западной Европе устройство женских общин сестер милосердия, по итогам предоставил свой отчёт.

⁴ РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 229. Л. 15.

⁵ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 1530. Л. 1-6. (Сообщено Г. А. Поповой).

⁶ РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1245, 1246.

⁷ Каталог историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в бою воинов : в 8 ч. СПб., 1905. № 213, 500, 808, 1028, 1103, 1108, 1152, 1770, 1771, 1332, 1784, 1889, 2135 и др.

⁸ ГАРФ. Оп. 1. Д. 222. Л. 1-2. (Сообщено Г. А. Поповой).

⁹ Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время Русско-японской войны. СПб., 1911. Т. 1. С. 167.

¹⁰ Обзор деятельности Распорядительного Комитета Особой комиссии Главного управления Российского общества Красного Креста 1904-1907 / Под ред. В. Н. Войекова. СПб., 1908. С. 7.

¹¹ Там же. С. 189.

¹² РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 191, 233.

¹³ Там же. Д. 307. Л. 50.

¹⁴ Призрение раненых. 1905. № 10. С. 12.

¹⁵ Обзор деятельности ... С. 79.

¹⁶ Обзор деятельности ... С. 209.

¹⁷ РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 599.

¹⁸ Манойленко Ю. Е., Манойленко А. С. Закрыть благотворительное учреждение «за истощением находившихся в его распоряжении средств» : Благотворительная деятельность Порт-Артурского комитета в 1905-1906 гг. // Военно-исторический журнал. 2013. № 12. С. 37.

¹⁹ Там же. Ф. 511. Оп. 1. Д. 7, 25, 26, 33; ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 141; Манойленко Ю. Е., Манойленко А. С. Закрыть благотворительное учреждение ... С. 35.

²⁰ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 139, 152, 157.

²¹ Васильев А. Стояла русская держава ... : [Электронный ресурс]. Ч. 7 // Переключка : электронный журнал 1-го отдела РОВС в России. URL: <http://pereklichka.livejournal.com/229201.html> (дата обращения: 21.04.2014).

²² Цит. по: Манойленко Ю. Е., Манойленко А. С. Закрыть благотворительное учреждение ... С. 35.

²³ ГАРФ. Там же.

²⁴ Там же. Д. 124.

²⁵ Там же. Д. 142. Л. 38.

²⁶ Там же. Д. 125. Л. 1-131.

²⁷ РГИА. Ф. 511. Оп. 1. Д. 4-6; ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 144-145.

²⁸ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 144.

²⁹ Документы по работе Порт-Артурского комитета составляют несколько десятков дел в личном фонде графини Карловой (ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 124-161), часть документов Комитета была передана ею в 1914 г. в архив Канцелярии императрицы Марии Федоровны. Впоследствии они были выделены в самостоятельный фонд «Порт-Артурский комитет» (РГИА. Ф. 511. Оп. 1. Д. 1-40).

³⁰ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 139. Л. 1-34; Д. 140. Л. 1-32; Д. 147, 149, 156.

³¹ Там же. Д. 155, 159.

³² Там же. Д. 150, 154.

- ³³ Манойленко Ю. Е., Манойленко А. С. Закрыть благотворительное учреждение ... С. 37.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 127. Л. 1-56.
- ³⁵ Сообщено Г. А. Поповой.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 139, 153.
- ³⁷ Там же. Д. 132, 143.
- ³⁸ Там же. Д. 134, 136, 139.
- ³⁹ Там же. Д. 137.
- ⁴⁰ Манойленко Ю. Е., Манойленко А. С. Закрыть благотворительное учреждение ... С. 37.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 511. Оп. 1. Д. 38-40.
- ⁴² Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 271. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Д. 284. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1797. Л. 4.
- ⁴⁵ Сообщено Г. А. Поповой.
- ⁴⁶ Вестник Красного Креста. 1914. № 8. С. 433; Там же. 1915. № 2. С. 518-519.
- ⁴⁷ Там же. 1915. № 8. С. 3750.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 11.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 694. Оп. 1. Д. 983. Л. 1.
- ⁵⁰ Допрос генерала М. А. Беляева, 17 апреля 1917 г. // Падение царского режима : (стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). Л., 1925. Т.2. С. 182, 183, 184.
- ⁵¹ Подробнее о деятельности графини Н. Ф. Карловой на посту попечительницы Петергофской общины сестёр милосердия можно прочитать: Конохова Е. В. Семья герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого в Петергофе и Ораниенбауме // 300 лет Петергофской дороге. 300 лет Ораниенбауму : история. Реставрация. Музеефикация. СПб., 2012. С. 175-176.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 190.
- ⁵³ Баева Е. П., Иванова Н. М. Организация социальной помощи в годы Первой мировой войны // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2004. Вып. 17. С. 119.
- ⁵⁴ Ольга, Мария, Татьяна, Анастасия, Великие княжны. Дневниковые записи и их письма к отцу Императору Николаю II, 1914-1916 годы : [Электронный ресурс] URL: <http://emalkrest.narod.ru/txt/det15.htm> (дата обращения 21.04.2014).
- ⁵⁵ ГАРФ. Д. 1187. Л. 70.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 618. Оп. 1. Д. 106.
- ⁵⁷ Там же. Д. 474. Л.1.
- ⁵⁸ Там же. Ф.694. Оп.1. Д. 1185. Л. 63; Д. 474. Оп.1. Л.1.
- ⁵⁹ Там же. Л. 62.
- ⁶⁰ Там же. Д. 1187. Л. 81.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1240. Л. 60; Оп. 2. Д. 262. Л. 10 об.
- ⁶³ На страницах газеты «Русское слово», регулярно публиковали списки раненых, прибывших в Петроград и распределённых по частным лазаретам. В лазарете княгини Е. Г. Голицыной на Фонтанке, 46, на излечении находились капитан Э. Я. Пеудер, поручик А. Н. Попов, подпоручики В. М. Бородин, М. М. Ванкач, В. Н. Кетов, И. С. Лашкевич, В. М. Рукстинский, А. А. Ушаков, прапорщики В. П. Артюк, И. И. Джозовский, С. М. Казанский, Г. С. Лылас, военный чиновник С. И. Останюк и др.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 2. Д. 262. Л. 37 об.
- ⁶⁵ Зверева Н. К. Августейшие сёстры милосердия. М., 2006. С. 78.
- ⁶⁶ Там же. С. 76.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 241. Л. 60; Ф. 694. Оп. 1. Д. 1182. Л. 17 об.
- ⁶⁸ Там же. Д. 1185. Л. 35-35 об.
- ⁶⁹ Там же. Л.44.
- ⁷⁰ Там же. Л. 54 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 38 об.
- ⁷² Там же. Л. 54.
- ⁷³ Там же. Л. 56 об.
- ⁷⁴ Там же. Л. 49.
- ⁷⁵ Там же. Л. 36-36 об.
- ⁷⁶ Мария Фёдоровна, императрица. Дневники, 1914-1920, 1923. М., 2005. с. 71.
- ⁷⁷ Там же. С. 91.
- ⁷⁸ Цит. по: Карпова Е. В. Русская и западноевропейская скульптура XVIII – начала XX века. СПб., 2009. С. 303-304.
- ⁷⁹ Готье Ю. В. Мои заметки, 1920 год // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 78.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 1185. Л. 47-48 об., 50.
- ⁸¹ Там же. Л. 47-48 об.

⁸² Там же. Л. 61.

⁸³ Там же. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1240. Л. 68-68 об.

⁸⁴ Там же. Ф. 694. Оп. 1. Д. 1182. Л. 78.

⁸⁵ Там же. Л. 35 об.

⁸⁶ Цит. по: Попова Г. А. «Только и спасаемся, усиленно работая» // Ораниенбаум. Век XIX... СПб., 2006. С. 55-61.

⁸⁷ Николай II, Император. Дневники. М., 2007. Т. 2 : 1905-1917. С. 109.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 1185. Л.56 об.

⁸⁹ Палей В., князь. Двадцатое июля 1914 года : [Электронный ресурс] // Алапаевский мужской монастырь Новомучеников Российских. URL: <http://www.svelizaveta.ru/poems> (дата обращения 21.04.2014).